

Дорожные разговоры

Если верить словам Георга, на пути к замку ему встретились заросли пшеницы-ежа — кузнец едва не превратился в решето, когда пытался пробраться сквозь них. После долгих расспросов выяснилось, что пришел он с северо-востока. Ближние окрестности подданные Фарфаноэrsa уже изучили: там не было ничего, кроме лесов да пустыющей равнины, над которой на скалистом обрыве возвышался замок.

Путники двигались вдоль ручья, обходя горные хребты и время от времени углубляясь в густую чащу. Вирадуан, нагруженный мечом, топором и косой, нес за спиной походный мешок и флягу, всем своим видом напоминая воина на марше. Впрочем, едва ли в каком-либо войске было принято, чтобы на плече полководца восседал кот. Клас, поначалу деловито сновавший по доспехам Вирадуана, вскоре утомился и перебрался к Фарфаноэрсу, где, свернувшись клубком, прикинулся обычным кошельем на поясе.

Вирадуан не походил на штабных офицеров, привыкших отсиживаться в палатках в ожидании донесений; в его осанке чувствовалась закалка настоящего бойца. Фарфаноэрс, наблюдая за ним, нет-нет да и оценивал его про себя, а когда выдалась свободная минута, спросил:

— Скажи, Вирадуан, во многих ли битвах ты участвовал?

— Не в столь многих, господин Фарфаноэрс.

— И какова была твоя роль? Ты командовал?

Рыцарь ответил, что когда-то возглавлял авангард. Фарфаноэрсу стало любопытно, и он попросил рассказать о жизни до того, как рыцарь оказался здесь. Вирадуану не оставалось ничего другого, кроме как предаться воспоминаниям и начать повествование о тех временах, что теперь казались бесконечно далекими.

Рассказы о буднях в военном лагере, облеченные в осторожные и взвешенные слова, не слишком удивили юного Владыку. Перед его мысленным взором предстала привычная суета: построения, смотры, торжественные аудиенции тяжелой кавалерии у короля. Вирадуан описывал, как в тот самый миг, когда над лагерем поднимался дым полевых кухонь, внезапно налетал враг. Сам Вирадуан — тогда еще совсем молодой двадцатилетний юноша — бросался в самую гущу боя, попадал в окружение, чудом сносил голову вражескому военачальнику и сам вылетал из седла. С тех пор число воинов, следовавших за ним, росло: от десяти до сотни, от сотни к тысяче.

Юноша прервал его на полуслове, заявив, что это слишком скучно, и потребовал подробностей. Вирадуан замялся, не зная, что именно хочет услышать его господин. Отблески костра плясали на лице демона, скрывая его нечеловеческие алые зрачки — в такие мгновения казалось, что в

глазах у обоих полыхает одно и то же пламя.

Тогда рыцарь попытался рассказать о мелочах, из которых на самом деле состояла война: об обозах с припасами, застрявших на мосту; о приказах, которые вдрызг пьяные офицеры пропускали мимо ушей; о крылатых гусарах, которые с бестолковым гулом, подобно рою пчел, неслись неведомо куда вслед за каким-нибудь бедолагой, вырвавшимся вперед. Сам же Вирадуан, будучи командующим у этой оравы, то и дело впадал в ярость. Помимо верных солдат, ему постоянно приходилось иметь дело с подонками, сбродом и неисправимым ворьем. Наемники и вовсе не признавали дисциплины, но выбора у него не было.

Мир был полон войн, и повсюду не хватало людей. Со временем он почти привык к этому, но однажды, когда он в очередной раз распекал подчиненных, кто-то внезапно плеснул ему вином прямо в лицо. Командир наемников посмотрел на него с вызовом и проорал:

— Да ты кто такой вообще? А? Смазливое отродье!

В следующую секунду Вирадуан мертвой хваткой вцепился обидчику в горло и швырнул его в реку.

Случались и забавные происшествия. Как-то раз, в одиночку оторвавшись от своих, он наткнулся на отряд и, решив, что это подкрепление, блестяще организовал засаду. Солдаты сражались на совесть, и лишь когда прибыли настоящие союзники, выяснилось, что Вирадуан привел в бой чужих наемников, нанятых враждебным государством как раз для того, чтобы разбить его армию.

«Ну, господин, мы ведь тоже за вас повоевали, а наниматель всё равно не заплатил...» — предводитель тех головорезов оказался на редкость бесстыжим типом. С ухмылкой на лице он так долго и занудно выпрашивал плату за труды, что Вирадуан в конце концов сдался.

«Какое-то нелепое военное анекдотство», — подумал Фарфаноэрс. Он не стал комментировать рассказ, хотя на его лице на мгновение промелькнула тень улыбки.

Они пересекли лес, прошли через речную долину, сменяя путь под белой луной на дорогу под луной черной. Вечное серое небо расстилало свой взор повсюду, не задерживаясь ни на чем конкретном. Причудливые деревья источали густую слизь, которая, стекая, образовывала лужи едкой жидкости. Если окунуть в такую лужу кинжал, свежевать туши становилось куда проще.

К слову о животных: помимо привычных насекомых, грызунов и кроликов, в лесу обитали олени. Они часто мелькали в тумане, но Фарфаноэрс предупредил: приближаться к ним не стоит — возможно, это вовсе не олени. Что же до местных зайцев, то после поимки им следовало первым же делом выкалывать глаза, иначе можно было попасть под власть их гипнотизирующего взора.

Когда лес остался позади, вновь потянулись бесплодные долины. Склоны темно-красных гор

были совершенно голыми; хотя солнца в небе не было, у путников возникало обманчивое ощущение удушливого зноя. Вдоль дороги иногда попадались странные постройки: недостроенные хижины из глины с парой стен и обломком крыши, плетни посреди чистого поля, а порой — грубо высеченные каменные истуканы. Эти изваяния, наполовину ушедшие в землю, медленно поворачивали головы, следя за каждым движением путников.

— Не обращай внимания. Это каменные люди, — Фарфаноэрс осекся, едва не назвав их «камерами наблюдения», и подобрал другое слово: — Они нужны, чтобы приглядывать за рабочими.

Вид у истуканов был до того жуткий, что путникам пришлось ускорить шаг. Они шли, пока на горизонте не показалось одинокое дерево — единственное на много миль вокруг. Там они решили устроить привал.

Под сенью исполинской кроны изнуряющий жар мгновенно отступил, сменившись едва слышным шелестом, похожим на кошащее мурлыканье. Впрочем, Клас и впрямь свернулся в складках плаща и время от времени выпускал когти, лениво царапая воздух. Возможно, он хотел поспать и дальше, но Фарфаноэрс бесцеремонно вытащил его, чтобы проверить содержимое своих запасов.

Запечатанных в банках огненных орхидей оставалось еще предостаточно. Были там и другие мелочи: выделанные заячьи шкурки, пучки диких трав, не росших в замковом саду, и клыки неведомых зверей, подобранные по пути. Пока листва над головой издавала странные звуки, похожие на злобный шепот, юноша разложил на коленях свиток коры и принялся писать.

Эту кору Фарфаноэрс велел Вирадуану снять с дерева Скорбного чертога. Издалека оно казалось абсолютно черным — в этом мрачном краю, казалось, сама природа не признавала иных красок. Снятая кора на ощупь напоминала тонкие щепы, но при этом оставалась гибкой. В сочетании с порошком из растертых белых шишек она заменяла бумагу и чернила.

«Гвидо бы это понравилось: белые буквы на черном фоне», — подумал юноша. Настоящий пергамент был слишком дорог, чтобы тратить его на дорожные заметки. Фарфаноэрсу пришла в голову мысль о создании чего-то вроде печатного станка, но он решил обдумать это позже, по возвращении.

Продвигаясь вперед, они с Вирадуаном шаг за шагом набрасывали карту местности. Фарфаноэрс не слишком силен был в картографии, но обучил рыцаря некоторым приемам скорописи. Это привело Вирадуана в неопикуемый восторг, но стоило ему начать изливать свою признательность, как юноша холодно и резко обрывал его:

— Тебе больше нечем заняться? Вместо того чтобы болтать, лучше закончи работу поскорее.

Рыцарю оставалось лишь подчиниться.

Виладуан полагал, что демон просто не терпит пустой лести, на самом же деле Фарфаноэрс с трудом переносил витиеватые и высокопарные излияния людей древности — слишком уж неловко он себя при этом чувствовал. Поглаживая кота, он с бесстрастным лицом размышлял о том, не запретить ли в будущем подобные славословия вовсе.

На следующее утро их разбудил грохот, похожий на обвал. Неведомо когда на ветвях дерева собрались тысячи птиц, и теперь они одновременно сорвались с места. С оглушительным шелестом крыльев густая крона в одно мгновение превратилась в голые, безжизненные сучья. Листья оказались птицами. Именно это позволяло понять суть одинокого исполина: пока птицы заменяли листву, они могли улетать в поисках пищи и возвращаться, чтобы напитать материнское дерево. Это было величественное и жуткое зрелище — танец желто-зеленых красок под нестройный гомон тысяч голосов, застилающий взор.

Фарфаноэрс, погруженный в свои мысли, долго провожал птичью стаю взглядом. Внезапно он едва заметно улыбнулся, но было ясно, что причиной тому не птицы. Коснувшись лба, он спросил без тени предисловий:

— Ты хочешь вернуться?

Странный вопрос. Виладуан замялся. За время их знакомства он успел понять, что Фарфаноэрс слов на ветер не бросает. Как государь он был почти безупречен: прислушивался к советам, принимал быстрые решения. Разве их целью не были поиски пшеницы? Повелитель не казался человеком, способным бросить дело на полпути из-за минутной слабости или тоски.

К тому же прошло всего пять дней.

«Это проверка?» — Виладуан оказался в затруднительном положении. Рассудив здраво, он ответил:

— У меня нет предпочтений. Я во всем последую вашей воле.

На самом деле ему и самому не хотелось возвращаться так скоро.

Фарфаноэрс мысленно вздохнул. По логике вещей, они должны были перенести немало испытаний, найти зерно и лишь тогда повернуть назад. Но когда он смотрел на птиц, в глубине его сознания что-то дрогнуло. Информация, словно пузырек воздуха, поднялась со дна памяти.

В замке назревали проблемы — не то чтобы катастрофические, но и не пустяковые. Классическая ситуация: хозяина нет дома, и кое-кто решил, что можно отлынивать от работы и затевать смуту.

Эта мысль оставила неприятный осадок. Разумеется, предательство и лень были ожидаемы, но Фарфаноэрс не думал, что всё вскрыется так быстро. Он склонялся к тому, что это цепная

реакция, вызванная каким-то случайным происшествием. Виной тому кузнец? Или кто-то еще?.. Фарфаноэрс машинально сжал Класа. Теперь нужно было решить: возвращаться или нет.

Честно говоря, даже если он продолжит путь, ничего непоправимого случиться не должно. Осознав, что как «администратор» он может избавляться от неугодных, он наделил Хельзе и Гвидо достаточными полномочиями. Что же до остального...

Юноша нахмурился, но быстро совладал с собой и поспешно скомандовал:

— Продолжаем путь.

<http://bllate.org/book/16116/1582687>